

УДК 94 (3)

**ЛАНДШАФТНЫЕ И ДРУГИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГО САКРАЛЬНОГО
ПАМЯТНИКА ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»¹****LANDSCAPE AND OTHER PECULIARITIES OF THE NEW
SACRAL MEMORIAL OF ANCIENT SETTLEMENT «BELINSKOE»****В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев****V.G. Zubarev, S.V. Yartsev***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenina St., Tula, 300026, Russia**E-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Ключевые слова: Боспорское царство, Иоанн Златоуст, христианство, арианство, агапы, алтарь, готы.

Key words: The Bosphorus Kingdom, St. John Chrysostom, Christianity, Arianism, agapae, altar, Goth.

Аннотация. В статье подробно рассматриваются ландшафтные и другие особенности нового сакрального памятника из раскопок городища «Белинское» в Крымском Приазовье (северо-западная часть Европейского Боспора – Керченского полуострова), открытого раскопками экспедиции Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого под руководством В.Г. Зубарева в 2008-2014 гг. По мнению авторов, возведение в позднеантичный период на городище необычной алтарной вымостки является отражением борьбы, которую проводил Иоанн Златоуст против арианской ереси. Статья приоткрывает завесу над заключительным периодом истории городища.

Resume. The article considers in detail landscape and other peculiarities of the new sacral memorial from the excavations in ancient settlement Belinsкое. According to the authors, the erecting of the altar in the late antique period in the ancient settlement is the reflection of the struggle of St. John Chrysostom against Arian heresy.

В ходе археологических исследований городища «Белинское» в 2008-2014 гг., в восточной его части, был выявлен необычный для этого памятника сакральный комплекс, состоящий из круглых в плане сооружений и алтарной вымостки. Памятник был частично опубликован² и предварительно отнесён к позднеантичному времени³. Однако, на момент первой публикации памятника его площадь была исследована не до конца и, как показали последующие раскопки, ряд выводов, сделанных нами ранее, требуют существенного уточнения. В первую очередь, это касается алтарной вымостки, на которой были обнаружены граффити, интерпретируемые нами как раннехристианские символы.

Вымостка сложена из плоских обработанных камней желтого ракушечника и белого известняка местного происхождения. Её форма в горизонтальной плоскости близка к треугольной. Ориентация восточная. Центральный камень вымостки являлся культовым тарапаном или небольшим переносным алтариком, помещённым в кладку в перевёрнутом виде. Интересно, что ещё одно подобное изделие было найдено недалеко от алтарной вымостки в завале камней. Раннехристианские символы – крест и крест в круге – были процарапаны на нескольких камнях. Время появления символов, а также их

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ПИФК. 2014. №1. С. 86-101.

³ Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу о датировке нового сакрального комплекса на городище «Белинское» в Восточном Крыму // Классическая и византийская традиции. 2014. Белгород, 2014. С. 105-109.

интерпретация неоднозначны. Подобные знаки известны в некоторых малоазийских церквах, обращённых из языческих храмов. По мнению христиан, они уничтожали силу демонов, населявших храм⁴. Наличие таких знаков на вымостке свидетельствует в пользу её интерпретации как части святилища.

На двух плитах алтаря сохранились слабые следы воздействия огня, однако, скорее всего, это не связано с обрядовой деятельностью, а указывает на вторичность их использования. С запада вплотную к вымостке на специально насыпанный слой золистой супеси был положен грубо оббитый камень (белый известняк) с чашеобразным углублением в центре (жертвенник?). Судя по всему, он зафиксирован *in situ*, хотя незначительная его часть по углам и была утрачена. Сохранившийся фрагмент имел форму близкую к треугольной. Верхняя граница камня располагалась несколько выше уровня вымостки, однако его единство с последней несомненно.

Заключительный период в истории городища (вторая четверть IV - первая четверть V вв.) характеризуется целым рядом серьёзных изменений как в застройке городища в целом⁵, так и в отношении культовых объектов на его территории. В частности, в это время появляются и получают развитие святилища, которые использовались отдельными группами населения городища, что, возможно, отражает общую для позднеантичного общества тенденцию к разделению по сословному признаку. Три таких святилища были найдены в северной части городища (обращает на себя внимание то обстоятельство, что располагались они в разных кварталах, разделённых улицами). Все они имели ограждение, внешний вход и вымостки, на которых помещались алтарные загородки, заполненные золой, и жертвенники. В качестве последних использовались антропоморфные изваяния, крышки пифосов и зернотёрки⁶.

Вновь выявленный восточный культовый комплекс на городище, по всей видимости, следует отнести (по крайней мере, на начальном этапе) именно к этой группе святилищ. Однако, бросающиеся в глаза отличия (отсутствие стен ограды, треугольная форма алтарной вымостки и наличие раннехристианской символики на плитах) позволяют предположить, что в данном случае имело место значительно более длительная эксплуатация святилища, в том числе, и в качестве места для совершения христианских обрядов.

Ещё одна отличительная особенность восточного комплекса заключается в наличии рядом с ним нескольких синхронных по времени круглых каменных сооружений. Их связь с сакральной сферой, как будто бы, очевидна⁷. А отсутствие подобных сооружений вблизи святилищ на северном участке делает восточный комплекс по-своему уникальным. Что касается времени использования святилища христианами, то однозначный вывод делать пока рано. Несомненно, широкое проникновение христиан в

⁴ Стопами святых апостолов: античность и христианство в Эгейском регионе // Церковно-исторический альманах Смоленской духовной семинарии. Смоленск. 2012. С. 62-63.

⁵ Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н. э. // БИ. Вып. XXVIII. 2013. С. 260-262.

⁶ Зубарев В.Г. Культовые комплексы сельской территории позднеантичного Боспора (на примере городища «Белинское») // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы VII региональной научно-практической конференции. Том 1. 2005. С. 131-135.

⁷ Каменные круги Белинского городища были рассмотрены нами в сравнении с каменными кругами синхронного времени на некрополе Илурата. Они были интерпретированы как место, где совершались агашы, в том числе и с поминальными функциями, популярные среди ранних христиан в первых веках н.э. На это указывают такие факты, как вырубленный христианский крест с рыбой и птицей, в центре одного из кругов на Илурате, наличие систем для пролива жидкости на Илуратском памятнике и жертвенной каменной чаше на Белинском городище, и связь их с погребениями. Однако каменные круги были не характерны для ранних христиан, поэтому варварская основа данных памятников также очевидна. Здесь отчетливо прослеживается сармато-аланское, германское и даже позднескифское влияние. Изначально круги, по-видимому, играли роль святилищ, где происходила связь мира живых и мира мертвых. Обряды здесь совершались с опорой на человеческие погребения, кровавые жертвоприношения (как правило, животных) и возлияния вином. Не исключено, что именно по этим причинам, впоследствии данное место и было выбрано христианами для проведения агаш. При этом два круга были переложены или даже сложены заново уже в хазарское время. Вероятно, переселенцы были уверены, что эти памятники как-то связаны с производством вина, столь важного для них сейчас. Поэтому и пытались умилостивить сверхъестественные силы, которые, как они предполагали, и раньше обеспечивали божественную поддержку этому процессу (См. подр.: Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ПИФК. 2014. №1. С. 86-101).

этот район следует отнести к более позднему времени. На это, в частности, указывают находки на некрополе на стене одного из склепов граффито христианского креста в соседстве с салтовской тамгой и раннесредневекового христианского надгробия. В то же время, полностью исключить связь христианских символов с позднеантичным периодом мы не можем, так как весь сопутствующий материал в непосредственной близости от алтарной вымостки датируется именно этим временем. Предлагаемая ниже версия развития событий является одним из возможных вариантов такой интерпретации.

Прежде всего, попробуем ответить на вопрос о возможности использования культового комплекса христианами. Как уже отмечалось алтарная вымостка и немного возвышающийся над ней жертвенник с чашеобразным углублением представляют собой функциональное единство. Этому имеются аналогии в раннем христианстве. Именно тогда алтарь – престол – жертвенник составляли неразделимость одного объекта⁸. Известно, что в христианстве алтарь и жертвенник разделились только с течением времени в ходе усложнения форм обрядности. Под ними в первую очередь следует понимать проскомидию (изготовление на жертвеннике хлеба и вина) и евхаристию (преосуществление на престоле хлеба и вина в Тело и Кровь Иисуса Христа).

Начало процесса выделения жертвенника в качестве обособленного элемента, предназначенного исключительно для подготовки евхаристии, датируется достаточно поздним для нас временем – началом V в. Тогда была введена в практику литургия св. Василия Великого (вокруг престола). И, хотя еще несколько веков продолжали сосуществовать различные типы литургий и престолов⁹, в общинах, связанных с Константинопольским патриархатом, литургия св. Василия Великого распространяется уже с V в.¹⁰ Можно предположить, что и алтарь с Белинского городища как раз и представляет собой уже отделившийся от жертвенника тип, предназначенный для службы вокруг престола. Этому соответствует и полное отсутствие рядом остатков фундаментов стен. Но тогда камень с чашеобразным углублением, примыкающий к алтарной вымостке, должен был играть какую-то иную роль, несколько отличную от обычного жертвенника. Тем более, что как сама алтарная вымостка, так и приставленный к ней камень с чашеобразным углублением не сильно возвышаются над современной им дневной поверхностью, что не может не вызывать дополнительных вопросов.

Не исключено, что настоящим жертвенником нашей алтарной вымостки являлся обнаруженный в соседней яме, датируемой позднеантичным периодом, довольно массивный строительный блок из белого известняка местного происхождения, имеющий сквозное отверстие посередине (жертвенник, сделанный из строительного блока, взятого из какой-то более ранней постройки).

Каменные жертвенники со сквозными отверстиями были известны у некоторых варваров, например у поздних скифов¹¹. Однако в нашем варианте жертвенник имеет очень широкое, практически занимающее всю «рабочую» поверхность камня, отверстие с одной стороны (диаметром 0,45 м), и почему-то, довольно узкое, с другой (диаметром 0,17 м). Отмечая безусловную принадлежность этого жертвенника к широкому кругу, так называемой «пронимальной символики»¹², заметим, что речь, судя по диаметру отверстия, может идти о пропуске через него предметов, а не о проливе жидкости. Расширение же сквозного отверстия с одной стороны, возможно, было необходимо для пропускания чего-либо сквозь отверстие непосредственно руками. И здесь мы вновь находим аналогии в практике ранних христиан.

Речь в данном случае идёт о христианских престолах особого типа со сквозным отверстием IV в. Считается, что подобный престол предназначался для обряда

⁸ Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 175; Голубцов А.П. Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб., 1995. С. 67-68.

⁹ Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2011. Вып. III. С. 56-58.

¹⁰ Шевченко Ю.Ю. Реалии «Литургической археологии» в датировке первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // Христианство в регионах мира (Христианская архаика). СПб., 2011. Вып. 3. С. 95-96.

¹¹ Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1. 7. М., 1991. С. 11-12.

¹² Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сборник МАЭ. СПб., 1999. Вып. XLVII. С. 149-190.

«пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело Христа, посредством Его пропускания через указанное отверстие¹³. Если это так, то жертвенник из ямы вполне мог изначально занимать свое место где-то вблизи алтарной вымостки или даже на ней. Правда, мы не беремся произвести точную реконструкцию первоначального вида памятника, ведь расположение жертвенника-престола должно соответствовать своей основной функции — проведению обряда «пронимания» через сквозное отверстие.

Следующая особенность алтарной вымостки с Белинского городища - это ее, отчетливо выраженная, треугольная форма. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, ведь такая форма встречается среди языческих алтарей (например, алтари подтреугольной формы из святилищ Таракташ II¹⁴ или Илурата¹⁵). Однако заметим, что все данные алтарные сооружения примыкали к стенам помещений. При этом алтарь на Илурате, непосредственно связанный с человеческими жертвоприношениями, был вообще сооружен в самом углу здания. В этой связи, мы не можем быть уверены в том, что при возведении указанных языческих алтарей, они принципиально планировались именно треугольной формы. Нет здесь также и систем для пролива жидкости и отверстий для совершения обряда «пронимания». Кроме того, алтарная вымостка с Белинского городища датируется более поздним временем, поэтому она, безусловно, должна отражать совсем другие идеологические процессы, происходившие в античном обществе на переломе эпох.

Мы далеки от стремления трактовать любой треугольный знак или предмет треугольной формы позднеантичного времени, как христианский. В то же время несомненно, что треугольник рано и довольно прочно занял свое сакральное место в христианской теологии, став символическим знаком для обозначения Святой Троицы¹⁶. Более того, в христианской архитектуре, эта фигура чаще всего встречается именно в форме алтарной части храма. Так, треугольник, например, хорошо просматривается на плане алтарной части базилики в виде трифолия (трехлепестковом в плане сооружении)¹⁷ или же, трехгранной апсиды Святой Софии 415 г. в Константинополе¹⁸. Тем не менее, собственно для престола треугольная форма не характерна. Поэтому, если алтарная вымостка с Белинского городища все же имела отношение к христианству, то должна была сложиться экстраординарная ситуация для сооружения ее именно в такой формы.

Ответ на этот вопрос, возможно, даёт анализ изображений треугольников на раннехристианских древностях V–VI вв., подробно рассмотренных в свое время графом А.С. Уваровым. Для нас особый интерес представляют изображения, где буквы Альфа и Омега размещены в треугольниках, которые в данном случае выступают в качестве символа Святой Троицы¹⁹. Учитывая то обстоятельство, что появление указанных букв в сочетании, например, с крестом и христомграммой, обычно связывается с противостоянием арианской ереси²⁰, не исключено, что и треугольники также играли важную роль в этой борьбе.

Для того, чтобы правильно оценить ситуацию в контексте нового культового объекта на Белинском городище, необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать положение в области распространения христианства за пределами Империи в этот период. Стремление римлян распространить христианство среди готов еще в первой половине IV в. привело к принятию некоторыми варварами арианства. Вся эта история, как известно, была неразрывно связана с деятельностью выдающегося

¹³ Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки ... С. 63.

¹⁴ Шаров О.В. Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 460-461.

¹⁵ Коренцвит В.А. Святилище в Илурате // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. I. С. 160-163.

¹⁶ Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 79-80.

¹⁷ Земскова В.И. Христианская базилика и Иерусалимский храм: единство традиции и преемство архитектуры. СПб., 2012. С. 85-86.

¹⁸ Mathews Th. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. London, 1971. Fig. 4.

¹⁹ Уваров А.С. Христианская символика. Ч.1. Символика древне-христианского периода. М., 1908. С. 42-43.

²⁰ Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период // МАИЭТ. XV. 2009. С. 115.

представителя готского народа Вульфилы. Подвергаясь жестоким преследованиям со стороны готских вождей, в конце 40-х гг. IV в. ему пришлось вместе со своими единомышленниками уйти на территорию Империи в Нижнюю Мёзию²¹. Проживая здесь, готы настойчиво сохраняли свою веру в арианской форме. Возможно, такое постоянство свидетельствует о стремлении варваров обеспечить свою этническую идентичность²².

Христианство проникало не только в готскую среду. Еще со времен морских походов варваров во второй половине III в. захваченные в плен христиане, в том числе и священнослужители, «вступив в общение с варварами, немалое их количество обратили к благочестию и приготовили к восприятию христианства» (Philostorg. Hist. eccl. II, 5). В дальнейшем, когда после войны с гуннами, в Крым отошла группировка готов, тесно связанная с Боспором союзническими отношениями, процесс христианизации приобрел особую остроту²³.

Нам неизвестна форма христианства, которую принимали жившие на границах Боспора меотийцы. Появившиеся же здесь в последней четверти IV в. готы, по-видимому, совсем не случайно демонстративно стали придерживаться Никейского православия. Даже по тому особому вниманию, которое уделял религиозному положению дел у них тогдашний Константинопольский епископ Иоанн Златоуст, очевидно, что сложившаяся ситуация была крайне напряженной. В письме диаконисе Олимпиаде, написанном патриархом в 404 г., он писал, что «...достойный удивления епископ Унилы, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя готов, в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы» (Joannis Chrysostomi, II, col., 618).

Точные имена людей, наличие проблемы и конкретные действия по ее разрешению, не позволяют согласиться с мнением, что текст, написанный рукой священника, не предполагает точности географических «привязок»²⁴. Более того, речь в тексте явно идет о территории Боспора, так как просить епископа придунайские готы-ариане у Иоанна, известного своей активной борьбой против арианства, не могли. Более того, просто невероятной выглядит деятельность православного епископа Унилы совершившего у готов-ариан «много великих дел», если считать последних, как делает, например В. Томашек, дунайскими готами²⁵. Заметим также, что из-за зимы невозможно было плыть туда, куда по причине установления гуннской гегемонии в степях Северного Причерноморья другим способом добраться было невозможно. Это, в первую очередь, Херсонес и земли Боспорского царства, которые сохранились как самостоятельные государства. На территорию же Придунавья вполне можно было добраться и сухим путем.

²¹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 177-180; Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 56-62.

²² Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 129.

²³ Именно по причине христианства этих готов, их бывает трудно выделить археологически на Боспоре, тем более, что готская военно-аристократическая верхушка, скорее всего, вошла в это время в состав правящего боспорского класса, как считают некоторые ученые (Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 186). Тем не менее, появление черняховского материала второй половины IV – начала V вв. на Боспоре (от Фанагории до Заморского), явно свидетельствует о сдвиге части готского населения, в ходе гуннского нашествия, в том числе, и на территорию Боспора (Магомедов Б.В. Черняховская культура и Боспор // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 246-249; Левада М.Е., Осадчий Р.Н. К вопросу об этнических процессах в Северном Причерноморье на рубеже гуннского времени (на примере распространения некоторых типов гончарных кувшинов в черняховских могильниках) // Боспорские чтения. Керчь, 2004. Вып. V. С. 229; Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Op. cit. S. 185-186).

²⁴ Могаричев Ю.М. Крымская Готия: от язычества к христианству // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 198.

²⁵ Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 10.

Текст письма, безусловно, свидетельствует о сложной ситуации сложившейся на Боспоре. По-видимому, если дунайские готы, пребывая на территории империи, в том числе, из недавно прибывших, массово переходили в арианство, то уже одно только это могло оказывать негативное влияние на их боспорских соотечественников и поэтому вызывать необходимость принятия срочных мер противодействия, тем более, что существует прямое свидетельство, что дунайские готы в это время насильственно «склоняли все племена своего языка к признанию этой секты» (Iord. Get. 133). Именно по этой причине невозможность срочной отправки к готам нового епископа представлялась Константинопольскому епископу «катастрофой». Все это хорошо согласуется со спецификой борьбы Иоанна Златоуста с арианской ересью, включавшей в себя помимо проповедей и написания обличительных гомилий активную поддержку сторонников Никейского православия.

Кровавые события столичного мятежа готов-ариан во главе с Гайной в 400-401 гг., безусловно, способствовали активизации этой борьбы. Тогда епископ не пошел на категорические требования Гайны предоставить готам-арианам отдельную церковь внутри Константинополя (ариане имели церкви лишь за его чертой), но зато позаботился о том, чтобы православные готы не испытывали ни в чем недостатка. Даже церковь последним он передал рядом с императорским дворцом и рукоположил епископов, знающих готский язык²⁶. Более того, «он сам весьма часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык переводчика, да и умевших говорить по-готски побуждал делать это же. Все сие, совершая внутри города, он уловил много обольщенных и показал им истину апостольской проповеди» (Theod., 5, 30).

Особую же роль в противостоянии арианской ереси и, в первую очередь, поздней ее форме, которой придерживались аномеи, Иоанн Златоуст уделял такому понятию, как «снисхождение». Под ним он понимал «то, когда Бог является не так, как Он есть, но показывает Себя столько, сколько имеющий созерцать Его способен к этому» (Hom. contra anom. III, 3). Любопытно, но ведь именно такое отличие в подготовке новообращенных христиан, является главной причиной развития символики в новой религии. По словам известного Отца церкви IV в. епископа Иерусалимского Кирилла, «Слышать Евангелие всем дозволяется, но слава благовествования предоставлена только присным Христовым. Посему неспособным слушать Господь говорил в притчах, ученикам же объяснял притчи наедине. Ибо сияние славы просвещенным — ослепление неверным. Все тайны, которые ныне Церковь излагает тебе, выходящему уже из оглашенных, нет обычая излагать язычнику, ибо не излагается язычнику таинственное учение об Отце, Сыне и Святом Духе. Да и оглашенным о тайнах не говорим ясно, но о многом часто выражаемся прикровенно, чтобы знающие верные разумели, а незнающие не терпели вреда»²⁷.

Борьба с арианской ересью напрямую затрагивала тему христианских символов. В отличие от ариан, уверенных в возможности познания Бога, сторонники Никейского православия были убеждены, что человеческий разум, несмотря на свою сотворенность Богом не может постичь божественной сущности. Он познает только лишь образы и символы, хотя и может проникнуть в сущность и овладеть ею²⁸.

Исходя из этого, треугольная форма алтарной вымостки с Белинского городища (если допустить, что она являлась символом Святой Троицы) вполне может отражать один из наиболее острых этапов противостояния ортодоксального православия с арианством. В какой-то мере (правда, весьма условно) подтверждением такой трактовке могут служить особенности местоположения культового объекта в связи с окружающим ландшафтом, которое довольно точно совпадает с описанием местоположения божьего престола из известной Книги Еноха.

Эта книга была очень популярна в раннехристианскую эпоху и в то время входила в канон Священного Писания²⁹. Согласно ей, «престол из камня сапфир» находится на

²⁶ Казенина-Пристанскова Е.Т. Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. Ровно, 2003. С. 74.

²⁷ Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Творения. М., 1855. С. 103.

²⁸ Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Киев, 2002. С. 146.

²⁹ На современный момент книга Еноха является канонической в Эфиопской церкви (Hénoch / Ed. A. Caquot // La Bible. Écrits intertestamentaires. Paris, 1987. P. 465-469, 471-625).

срединной горе «из алебастра», которая «поднимается до неба к престолу Божию». При этом на восток и на юг от нее, должны располагаться еще по три горы из драгоценных камней. «Из тех, что на восток, одна была из алого камня, другая из жемчуга, третья – из яшмы. Те, что на юге, были из камня огненного цвета» (Енох 18, 6-9)³⁰.

Местоположение возвышенности, на которой расположено городище «Белинское» отчасти приближается к этому описанию. На юг от данной возвышенности открывается вид на хребет Каменистый, высотой около 140 м. С востока просматриваются крутые склоны противоположной стороны Аджиэльской балки, напоминающие горный хребет с отдельными вершинами. И хотя наивысшая точка плато, на котором расположено городище, находится на юге, пологие склоны южного участка и доминирование холмообразных вершин на севере в сочетании с некоторой удаленностью отсюда Аджиэльской балки, не создают эффекта горы в окружении других вершин. Только одно место на восточной окраине городища (а именно здесь располагался интересующий нас комплекс) приближается к описанию местоположения божьего престола. Эффект высокой горы достигается здесь за счет крутых обрывистых склонов плато в сторону Аджиэльской балки и значительного обзорного вида на окрестные возвышенности. Добавим к этому довольно любопытную находку крупной бусины из яшмы с восточной стороны алтарной вымостки (третья гора с востока в описании Еноха из яшмы) и картина становится вполне законченной.

Выбор места для совершения священных обрядов в рамках любой религии занимает важное место. Христианство не исключение. Поэтому проведённая выше аналогия, на наш взгляд, вполне уместна и могла быть в действительности, если (подчеркнём ещё раз) наше предположение об использовании алтарной вымостки ранними христианами верно.

Ещё одним свидетельством, косвенно подтверждающим борьбу ортодоксальной Церкви с арианской ересью в варварской среде, может служить смена жертвенников, имевшая место на комплексе с алтарной вымосткой (напомним, что один из этих жертвенников – камень с чашеобразным углублением – зафиксирован *in situ* возле вымостки, а второй – со сквозным отверстием – найден сброшенным в яму). Оба типа жертвенников имеют аналогии в библейских сюжетах или в обрядовой практике ранних христиан. В истории о даровании Моисею на Синае скрижалей завета под ногами Бога Израилева упомянуто «нечто, подобное изделию из сапфира» (Исх. 24: 10-11) (обратим внимание на местоположение этого «нечто»). В неканонической книге Ветхого Завета – Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова – отмечается, что в этот день священник Иерусалимского храма «простирает свою руку к жертвенной чаше, лил в нее из винограда кровь и выливал ее к подножию жертвенника в воню благоухания Всевышнего (Сир. 50:17). По мнению В.И. Земсковой, в пересекающихся предметах-понятиях библейской традиции: камне, сапфире и чаше и надо искать истоки знаменитой Чаши из драгоценного камня, участвовавшей в обряде Великого Четверга в Латеране³¹.

Если согласиться с этим мнением, то камень с чашеобразным углублением у алтарной вымостки на городище «Белинское» на уровне ног священника олицетворял собой каменную чашу вышеуказанной библейской традиции. В этом случае замена жертвенника со сквозным отверстием на данную каменную чашу, ставшую своеобразным новым жертвенником, в сочетании с оформлением в то же время алтарной вымостки в виде треугольника могло произойти в ходе обострения борьбы с арианской ересью. И это вполне согласуется с мнением, что исключение христианских престолов со сквозными отверстиями произошло из-за их активного использования или даже установки в эпоху «арианских симпатий» известных римских императоров³².

Для Константинопольского епископа библейская традиция, имеющая отношение к камню, сапфиру и чаше, безусловно, была связана с евхаристией³³, через учение о которой он и боролся с арианской ересью. Считается, что для Иоанна Златоуста в

³⁰ Перевод В.И. Земсковой (Земскова В.И. Ук. соч. С. 223).

³¹ Земскова В.И. Ук. соч. С. 218-223.

³² Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки ... С. 63.

³³ «...явились на месте Бога, и ели, и пили» (Исх. 24: 10-11); ср. с «...кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней» (1 Кор. 11: 27).

евхаристии через Сына мы вступаем в общение с Отцом и Святым Духом, ведь, по словам самого епископа «един дар и едина сила Отца и Сына и Святаго Духа» (In Ioh. Nom. 86, 3). При этом сильное воздействие Троичного догмата на данную литургию, однозначно связывается учеными с необходимостью ответа на ересь второй половины IV в.³⁴

Главным предметом для Константинопольского епископа, при помощи которого Христос приобретает и украшает всех своей Кровью, выступает именно чаша, ведь «наша кровь, образующаяся из пищи, не сразу становится кровью, но сначала бывает чем-то другим; а эта Кровь не так, но тотчас же напоет душу и сообщает ей некую великую силу» (In Ioh. Nom. 46, 3), а «находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра господа, того мы и причащаемся ... благословляя за то, что Он пролил ее для избавления нас от заблуждения и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обограй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моей Кровью» (In 1 Cor. Nom. 24, 1).

С этой точки зрения необходимо рассматривать и выявленные рядом с алтарной вымосткой круглые каменные сооружения, которые мы связываем с христианскими трапезами любви – агапами. Связь агап, особенно на первых этапах их существования с евхаристией, хорошо известна. Именно таинство евхаристии объединяло христиан, возвышало агапу на степень большую, чем простая трапеза для насыщения³⁵. И хотя в IV в. предпринимались попытки их запретить, агапы не исчезли, будучи изначально и глубоко укоренившимся обычаем Церкви³⁶.

Иоанн Златоуст, который хотя и с осторожностью (ведь телесная трапеза, по его словам, не должна «разлиться в грех»³⁷), но всё же признавал, что агапы служили «к поддержанию любви, утешению бедности, благоупотреблению богатства, внушению великого любомудрия, сохранению смиренномудрия» (In 1 Cor. Nom. 27, 1). Даже начертание креста епископ приветствовал, не только на домах, на стенах, на дверях, на окнах, но и призывал носить его везде, в том числе, и за трапезой³⁸. Такая поддержка агап, скорее всего, была связана с тем, что в духовной основе трапез любви лежало исповедание Троицы в тринитарной литургической формуле Никейского православия. Эта связь прослеживается, как через само таинство евхаристии, так и через непосредственное влияние самой вечери. В VI в., когда агапы переживали возрождение, в переписке по этому поводу папы Григория I Великого с епископом Наталисом не случайно была упомянута трапеза Авраама, на которой были приняты три ангела. Именно здесь, по словам папы «Он, приветствуемый един в трех ангелах, показал троичное подразделение единого существа»³⁹.

Итак, исходя из датировки, функциональных особенностей, необычной треугольной формы и расположения нового культового комплекса на городище «Белинское», можно предположить, что этот комплекс какое-то время активно использовался христианами. Мы далеки от мысли считать таковыми всех жителей городища. Напротив, как показали раскопки в других частях поселения, в период поздней античности здесь наблюдается всплеск культов ярко выраженной хтонической направленности языческого толка⁴⁰. Культовый комплекс в восточной части городища с его христианской символикой к настоящему времени является, пожалуй, единственным исключением. В то же время именно это исключение позволяет предположить, что в числе новых этнических групп, обосновавшихся на поселении к середине IV в., могли оказаться те же готы, уже обращённые в христианскую веру, но веру арианского толка, впоследствии перешедшие в лоно ортодоксальной Церкви. Этот процесс и нашёл своё материальное воплощение в рассмотренном нами культовом объекте.

³⁴ Тафт Р.Ф. Богословские построения IV века в Византийской Анафоре святителя Иоанна Златоуста // Православное учение о церковных таинствах: Материалы V Международной богословской конференции РПЦ (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). М., 2009. Т. 1. С. 416.

³⁵ Соколов П.Н. Агапы, или вечери любви, в древнехристианском мире. М.; СПб., 2011. С. 18.

³⁶ Там же. С. 143-144.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Завадская И.А. Ук. соч. С. 121.

³⁹ Соколов П.Н. Ук. соч. С. 150.

⁴⁰ Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ. Т. 6. 2003. С. 141-142.